

Глава 10. Вхождение в ремесло

В Циян они въехали в густых вечерних сумерках. Белые одежды Хо Ляньюня после недавней стычки за городскими воротами сплошь покрывали бурые брызги, поэтому он накинул темно-зеленый плащ, скрывая следы бойни, и повел спутников напрямик к усадьбе местного чиновника.

Пользуясь титулом маркиза и предъявляя невесть откуда добытый жетон, Хо Ляньюнь виртуозно вешал чиновнику лапшу на уши. Он твердил, будто исполняет тайную волю государя и расследует по пути обстоятельства гибели Хэ Жуйтина.

Ли Мэн, безмолвно сжимая в руках дорожные узлы, вместе с Чжао Лои изображал безропотную челядь маркиза. Стоило Хо Ляньюню закончить беседу с хозяином усадьбы, как гостей проводили в гостевой флигель. Путь туда лежал через длинные галереи под сенью покачивающихся фонарей. Никто не проронил ни слова; лишь двое безмолвных слуг беззвучно ступали впереди, указывая дорогу.

Окружающий мрак превратил просторные дворы управы в нагромождение зловещих, колышущихся теней. Ли Мэн шел, затаив дыхание, и жадно всматривался в темноту.

Когда-то давно в их родовом поместье в Чжунъане были точно такие же бесконечные переходы: парадные залы для приемов и совещаний с чиновниками сменялись жилыми покоями в глубине усадьбы. Теперь те дни казались бумажными фонариками, сорванными ураганом времени. Они кружились где-то в вышине, почти угасшие, и лишь редкими бессонными ночами тусклая искра былого тепла вновь бередила душу.

Казенный приют оказался обширным. Троих гостей поселили в обособленном тихом двореке, выделив каждому по отдельным покоям.

Смыв с себя дорожную пыль и кровь после лесной резни, Хо Ляньюнь и Чжао Лои переоделись в чистое. Ли Мэн тут же принялся за стирку. Заметив, что окровавленный наряд маркиза сиротливо лежит в соседнем деревянном тазу, мальчик бросил выразительный взгляд на Чжао Лои, примостившегося на каменном бордюре с курительной трубкой.

— Одежду второго шишу я стирать не стану, — тихо, но упрямо буркнул Ли Мэн.

Чжао Лои обернулся, но увидел лишь черную макушку — подросток, всё ещё хмурясь, уже согнулся в три погибели над колодцем, черпая воду. Полы его собственного халата уже потемнели от въевшейся влаги.

Вода в этот сезон была ледяной, обжигающей пальцы до костей. Руки Ли Мэна быстро распухли и покраснели, напоминая при свете покачивающихся фонарей мелкие корнеплоды.

— Брось ее. Завтра этот барин сам все выстирает, — равнодушно бросил Чжао Лои.

В его голове лениво зашевелились непрошенные мысли.

Пожалуй, ученик — это не всегда обуза. Ли Мэн рос мальчиком чутким и осторожным, инстинктивно стараясь лишний раз никого не обременять. Осознав, что былая роскошь осталась в прошлом и молодым господином ему больше не бывать, он порой проявлял прежние привычки, но теперь в них сквозило упрямое желание услужить и не показаться бесполезным. Эту стирку он затеял исключительно по собственной воле.

Помнится, когда Чжао Лои вернулся с очередного дела — весь в липкой грязи и чужой крови — он швырнул вонючие обноски в угол, собираясь заняться ими на следующий день. Однако наутро, едва продрав глаза, обнаружил, что вычищенные вещи уже мирно сохнут на веревке. Ли Мэн тогда как раз расправлял засученные рукава, а Чжао Лои молча наблюдал за ним из окна. Осанка у парня была прямая, благородная. Он обещал вымахать в статного мужчину. В первых лучах рассвета его лицо казалось чистым и безмятежным.

Чжао Лои тогда даже почудилось, будто он очутился где-то за пределами Башни Десяти Направлений. В этой клоаке подобные искренние лица встречались реже, чем жемчуг в навозной куче. Настоящие убийцы всегда ходили, втянув голову в плечи и пряча глаза от солнца, ведь для любого из них излишнее внимание — верная петля на шею.

С тех пор малец без лишних напоминаний взял на себя заботу о быте. Чжао Лои, вечно занятый заказами, почти не появлялся в Башне Десяти Направлений, предоставив воспитанника самому себе, и лишь полгода назад отправил восточку управляющему с приказом переправить Ли Мэна в Линьчжоу.

Официально Ли Мэну поручили прочесать и запомнить до мелочей тринадцать пристаней Линьчжоу, двенадцать богатых усадеб и три десятка питейных заведений. В Линьчжоу давно обосновалось одно из отделений Башни, и это задание было скорее предложением. Просто старик Гань, приглядывавший за Башней, прислал Чжао Лои письмо, где жаловался, что парень изнывает от безделья и того и гляди закиснет.

Ли Мэн рос ладным, смазливый мальчишкой с открытой душой, и обитатели Башни частенько над ним подшучивали. Сам старик Гань в бурной молодости когда-то держал в страхе половину Поднебесной, а под старость утихомирился и коротал век на побегушках — заваривал чай да караулил ворота.

Когда они встретились вновь, Ли Мэн вытянулся почти на голову. В тот день на восточной пристани Линьчжоу столичная гвардия как раз рыскала с розыскными листами. Чжао Лои заранее получил письмо от Таоу, который предупреждал: пацан бредит мстостью. За эти полгода Ли Мэн не только досрочно выполнил все его скучные поручения, но и повадился по ночам бегать к императорскому дворцу в Чжунъане, до которого от Линьчжоу было от силы десять ли, высматривая лазейки в охране.

Поскольку Хо Ляньюнь получил ранение, спасая его шкуру, им пришлось укрыться в здешних краях, чтобы маркиз мог зализать раны. На корабле Чжао Лои то и дело размышлял о том, каково это — снова увидеть ученика. Он представлял себе разные картины: думал, будет как у Шуфэна с Таоу, которые при каждой встрече рыдают на плечах друг у друга, или как у Таоте с его неотесанным воспитанником — идиллия, благоговение и взаимная преданность. Но ничего подобного не случилось. Ли Мэн его попросту боялся.

— Завтра сходим в город, закажем тебе новый халат, — как бы между прочим обронил Чжао Лои.

Ли Мэн вскинул голову, удивленно моргнул и тихо выдавил:

— Хорошо.

После чего вновь уткнулся в корыто.

— Скорее всего, Новый год встретим здесь, в Цияне, — продолжил Чжао Лои. — Если хочешь чего-то особенного или лакомств каких — скажи, не молчи.

Ли Мэн замер, пальцы его застыли в мыльной воде. В груди болезненно екнуло, а к горлу подкатил горячий ком.

Когда отец, Ли Лин, был жив, к празднику всем домочадцам обязательно шили новые наряды. Вторая наложница отца еще за полмесяца до торжества снимала с него мерку, неизменно приговаривая с мягкой улыбкой: «Мэн-эр опять вырос. Твоя покойная матушка порадовалась бы, глядя на тебя».

У третьей наложницы руки и вовсе были золотыми. Она всегда шила ему первому, обделяя вниманием старших сыновей — жалела сироту, оставшегося без материнской ласки. Ли Мэн с малых лет понимал, что без матери его удел в этой жизни окажется куда солонее, чем у братьев, но как младший в семье он пользовался всеобщей любовью. Будучи законным сыном, рожденным от главной супруги, он никогда не знал обид со стороны отцовских женщин. К тому же старшие братья — один старше на десять лет, другой на восемь — уже обзавелись собственными семьями и не соперничали с ним. С детства окруженный заботой и книгами, Ли Мэн догадывался, что отец прочит ему чиновничью карьеру. В те годы он грезил о великих свершениях, будучи баловнем судьбы и многообещающим юношей.

А теперь... Последние два года он влачил жалкое существование, якшаяся с уличным сбродом и поденщиками. Какое уж тут чиновничество! Ему и на честную-то жизнь рассчитывать не приходилось.

Недождавшись ответа, Чжао Лои спрашивать не стал. Он вообще не отличался многословием, и мальчик давно к этому привык. Молчание сейчас было лучшим лекарством — прояви наставник хоть каплю сочувствия, Ли Мэн точно дал бы волю слезам.

Вылив мыльную жижу, Ли Мэн набрал чистой воды, тщательно прополоскал халат и повесил его сушиться. Вытерев влажные ладони о собственные штаны, он нерешительно подошел к Чжао Лои.

Чжао Лои сидел на высоком каменном уступе и задумчиво разглядывал ученика сверху вниз.

— Замерз?

Ли Мэн, хотя и крупно дрожал от пронизывающего ветра, упрямо мотнул головой:

— Нет, несколько.

— Ты еще не бывал на здешних рынках, так что просить тебя выбрать подарок заранее глупо. Завтра сам все увидишь, только рот не разевай. У нас в Башне под Новый год свои обычаи — собираемся узким кругом, выпиваем... — Чжао Лои запнулся, словно вспомнив о чем-то неприятном, и с горькой усмешкой добавил: — Считай, повод пересчитать живых и помянуть тех, кто не дожил до праздника, выпив за их пустые места.

Слова Чжао Лои невольно заставили Ли Мэна вспомнить покойного бродячего монаха.

— Ли Мэн.

Мальчик поднял взгляд. Над головой Чжао Лои, загорая тусклое небо, чернели скрюченные, голые ветви старых деревьев, похожие на костлявые пальцы.

— Ты называешь меня учителем, хотя толком даже не поклонился мне при первой встрече, — негромко произнес Чжао Лои. — Тогда, в Чжунъане, один столичный генерал отвалил мне три сотни ланов серебра, лишь бы я убрался из города и прихватил тебя с собой. Чтобы ты не ревел по дороге, я велел тебе звать меня наставником. Две зимы ты звал меня так впустую, и, признаться, я обошелся с тобой скверно. Но сегодня пришло время расставить точки над «i».

Ли Мэн слушал как в тумане, силясь уловить суть этих признаний.

Этот растерянный вид заставил Чжао Лои вспомнить дворового щенка, которого он как-то приласкал на постоялом дворе. Тот потом весь день плелся за его конем, искренне глядя круглыми, полными слез глазами — такой же преданный и неприкаянный.

Чжао Лои глубоко затянулся. Сизый табачный дым, смешавшись с морозным дыханием, на мгновение скрыл его суровое лицо.

— Ты станешь моим настоящим учеником только в том случае, если осознанно выберешь наше ремесло. Но если решишь жить как нормальные люди... у меня полно должников по всей

стране, среди них есть и весьма уважаемые господа. Они примут тебя ради старой дружбы. — Заметив, что подросток витает в облаках, Чжао Лои недовольно нахмурился: — Ли Мэн!

— Я слушаю, — поспешно отозвался Ли Мэн.

Он примостился на холодный край бордюра рядом с наставником. Окоченевшие пальцы постепенно отходили в тепле, но теперь их саднило, а кожу немилосердно жгло.

Голос Чжао Лои зазвучал жестче, весомее:

— У тебя все еще есть выбор. Тебе вовсе не обязательно становиться убийцей.

На мгновение между ними повисла тяжелая, осязаемая тишина зимней ночи.

Чжао Лои молча пыхтел трубкой, давая ученику время переварить услышанное.

— Подумай хорошенько, — наконец произнес он. — Второго числа мы покидаем Циян и направляемся в Фэнъян. По пути нужно будет заглянуть в Наньчжоу по одному делу. Вот когда вернемся оттуда — назовешь мне свое решение.

Жрец трижды постучал чашечкой трубки о гранитный край клумбы, выбивая пепел. Звонкие щелчки разорвали ночной покой.

Закончив разговор, он поднялся и ушел в свои покои.

Ли Мэн долго смотрел, как за бумажной ширмой окна гаснет тусклый огонек. Фонари на галереях продолжали гореть, заливая двор безжизненным светом, но все три жилые комнаты теперь погрузились во тьму.

Посреди двора, покачиваясь на натянутой веревке, сохла мокрая одежда Чжао Лои, отбрасывая на землю огромную нелепую тень, похожую на парящую ночную птицу.

Эту веревку он натянул сам. С тех пор как его приютил Чжао Лои, он научился многому: таскать баржи на пристани, спускаться в рудники, разливать дешевую сивуху в трактирах, скрести чужих лошадей... В ту страшную ночь, когда отца уводила стража, Ли Мэн поклялся себе, что, куда бы ни забросила его судьба, он никогда не забудет, чья кровь течет в его жилах. Он не позволит уличной грязи осквернить память о семье. Он — сын Ли Лина, и обязан сохранить гордость потомственного книжника, даже если придется умереть с голоду.

Над головой расстилалась бездонная чернота без единой звезды. Ледяной ветер швырял в лицо пригоршни колкой, мелкой снежной крупы.

Он зажмурился, пряча зябко онемевшие ладони в рукава. Перед мысленным взором замелькали обрывки воспоминаний, пока не остановились на одном — самом ярком. Чжао Лои несет его на спине прочь из разоренного отцовского дома, сажает на коня... Тогда Ли Мэн впервые узнал, что такое бешеная скачка. Те породистые скакуны, на которых его учили ездить в поместье, были слишком послушными и ленивыми.

Они мчались навстречу рассвету, и от неистового галопа у мальчика едва не дух вышибало. Он мертвой хваткой вцепился в пояс незнакомца, чувствуя под пальцами не мягкий шелк, а каменные, литые мышцы воина.

Его лицо утыкалось в широкую мужскую спину, и грубая ткань дорожного плаща нещадно царапала нежную кожу барчука.

Вокруг расстилалась бескрайняя, серая предрассветная равнина.

Стук копыт. Клубы дорожной пыли. Широкая, надежная спина в сером холщовом халате.

Помнил он и первые лучи солнца, озарившие строгое лицо Чжао Лои. Помнил, как тот снял его с седла у придорожной лавки, заказал горячей похлебки и молча крошил пресные лепешки прямо ему в пиалу.

Снегопад усилился. Дрожа от холода, Ли Мэн соскользнул с бордюра и поспешил в дом.

Сбросив влажную обувь и одежду, он нырнул под одеяло. Тело била крупная дрожь, голова раскалывалась, и мальчик с тоской понял, что проклятая лихорадка, мучившая его последние дни, снова возвращается.

Наутро, еще до того как рассвело, Чжао Лои покинул резиденцию префекта.

Быстро сориентировавшись, он скользнул в неприметный темный переулок.

Спустя четверть часа у входа в переулок показался силуэт Хо Ляньюня. Маркиз сменил свой роскошный белый наряд на скромный серый халат простолюдина и мягкие сапоги, а лицо скрыл под глубокой бамбуковой шляпой. На поясе у него по-прежнему висел неизменный драгоценный меч.

В тишине раздался негромкий скрип закрываемой двери. Звук доносился со стороны обычного с виду дома, у ворот которого покачивались два темных фонаря с начертанным на них иероглифом «Цинь».

Хо Ляньюнь хищно блеснул глазами под полями шляпы. Постояв мгновение в нерешительности, он поглубже нахлобучил бамбуковый убор и зашагал обратно к управе.

— Мэн-эр, егоза, ты чего разлегся? Наставник уже ждет к завтраку, — весело крикнул Хо Ляньюнь, без церемоний распахивая дверь флигеля.

На постели лежал бесформенный ворох одеял — мальчик укутался с головой.

— Вставай, не то Чжао Лои рассвирепеет, а я под горячую руку лезть не нанимался, — с усмешкой проговорил Хо Ляньюнь, стягивая одеяло.

Лицо Ли Мэна оказалось пунцовым. Он тяжело, со свистом дышал через полуоткрытый рот, а лоб прорезала глубокая складка боли.

Приложив ладонь к его лбу, маркиз выругался — парень так горел, что можно было обжечься. Хо Ляньюнь уже собрался бежать за лекарем, как вдруг больной заворочался и хрипло забормотал в бреду:

— Учитель... не бросайте меня... не надо...

Хо Ляньюнь склонился ниже, пытаясь разобрать невнятные причитания.

— Что ты делаешь? — раздался от порога ледяной голос Чжао Лои.

Хо Ляньюнь неторопливо выпрямился и, лукаво прищурившись, певуче произнес:

— Твой ненаглядный ученик горит как в печи. Решил проверить, жив ли еще.

— Заболел? — Чжао Лои бросил дорожную сумку на стол и быстро подошел к постели.

Губы Ли Мэна потрескались, а когда жрец приподнял его, пальцы скользнули по липкой от холодного пота коже. Чжао Лои растерялся, решив, что мальчик простудился во время вчерашней стирки. Обладая колоссальной внутренней энергией, сам жрец никогда не болел, а раны на нем затягивались как на собаке. Он совсем забыл, что Ли Мэн начал практиковать боевые искусства слишком поздно, в тринадцать лет. Тело у парня было слабое, а кости — хрупкие, не чета молодым послушникам Башни, которых закаляли с пеленок.

— Приведи лекаря, — Чжао Лои полез в рукав за кошельком.

Хо Ляньюнь мягко перехватил его руку и усмехнулся:

— Оставь свое серебро при себе. Я же обещал, что все расходы беру на себя.

С этими словами маркиз развернулся и ушел на поиски врача.

Чжао Лои бережно усадил бредившего ученика и стащил с него взмокшую от пота рубаху. Ли Мэн безвольно ткнулся лбом в его плечо, тяжело и горячо дыша прямо в шею наставника.

Стянув с него мокрые штаны, жрец покачал головой — кожа у бывшего молодого господина была слишком изнеженной, белой и теперь сплошь покрытой испариной.

Немного подумав, Чжао Лои принес таз с теплой водой и чистую ткань, чтобы обтереть больного.

Ли Мэн совсем раскис и то и дело заваливался набок. Чжао Лои, никогда ни за кем не ухаживавший, мысленно проклял все на свете. В конце концов ему пришлось разуться, залезть на постель и устроить бесчувственного мальчишку у себя на груди. Одной рукой он придерживал его хрупкое тело, а другой бережно обтирал сначала худую спину, затем грудь. Пальцы Чжао Лои то и дело натывались на выпирающие ребра, отчего мужчина хмурился всё сильнее.

Каждое прикосновение к бледной коже давалось с трудом. Тонкие кости казались совсем хрупкими, а лицо мальчика по-прежнему полыхало багровым жаром.

Когда жрец попытался уложить его поудобнее, Ли Мэн обмяк, и его голова тяжело опустилась на бедра мужчины.

Чжао Лои застыл с каменным выражением лица. Кое-как вернув ученика в прежнее положение, он, даже не глядя, швырнул мокрую тряпку точно в таз.

Уложив парня под одеяло, Чжао Лои встал и одернул задравшиеся полы халата. Постояв мгновение с нахмуренным видом, он поправил пояс, вышел в соседнюю комнату, чтобы сменить одежду, и вернулся обратно. Сев на край кровати, он раздраженно потер виски — хлопот с этим щенком оказалось куда больше, чем виделось поначалу.

Вскоре Хо Ляньюнь привел пожилого лекаря. Тот осмотрел больного и подтвердил, что парень просто сильно простудился на сквозняке.

После полудня Чжао Лои улучил минуту, чтобы отправить с почтовым ястребом тайное послание, после чего лично принялся раздувать угли под глиняным аптекарским горшком во дворе. К вечеру горькое, пахнущее болотной гнилью варево было готово. Чжао Лои принес дымящуюся пиалу к постели больного.

Ли Мэн с трудом разлепил веки. В глазах все плыло. За спиной наставника маячила фигура

улыбающегося Хо Ляньюня, а сам Чжао Лои держал в руках чашу, от которой исходил удушливый травяной смрад.

— Учитель... — прохрипел Ли Мэн сорванным голосом.

— Пей, — коротко приказал Чжао Лои.

Кое-как, давась горькой жижей, Ли Мэн осушил пиалу прямо из рук Чжао Лои. Тот тут же ловким движением закинул ему в рот две сушеные кислые сливы, чтобы перебить мерзкий вкус. Дождавшись, пока ученик обсосет косточки, жрец бережно укрыл его одеялом по самую шею.

— Спи теперь, — негромко произнес он.

Силы окончательно покинули мальчика. Он хотел было сказать наставнику то, о чем думал всю ночь напролет, но мысли путались, а голова казалась набитой ватой. Он так ничего и не вспомнил.

Ли Мэн очнулся глубокой ночью. Тело немилосердно ломило. Он спустил ноги с кровати и прижал горячие подошвы к холодному каменному полу — это принесло долгожданное облегчение.

В этот момент в комнату вошел Чжао Лои с кувшином горячей воды. Увидев, что больной сидит босиком на холодном полу, он недовольно нахмурился, подошел и без лишних слов забросил его ноги обратно под одеяло.

— Опять за старое? Если простудишься снова, проваляешься в постели все праздники. Я тебя в город не возьму.

Ли Мэн натянул одеяло до самых глаз и жалобно пробормотал:

— Мне жарко...

Жрец, лишенный какого-либо опыта в уходе за больными, свято верил простому правилу: простуду нужно выгонять потом. Он стащил во флигель все одеяла, какие смог найти в усадьбе, и навалил их на ученика целой горой. Ли Мэн едва не задохнулся под этой тяжестью, а во сне ему казалось, будто его заживо варят в котле.

— Тебе нужно как следует пропотеть, иначе хворь не уйдет, — назидательно произнес Чжао Лои.

— Да я уже весь взмок... — простонал из-под завалов измученный мальчик.

Поразмыслив, Чжао Лои все же убрал лишние одеяла, оставив лишь одно. Он снова помог Ли Мэну сменить мокрое белье. Мальчик чувствовал, что наставник не в духе, и, не зная, чем угодить угрюмому мужчине, помалкивал.

— Ложись, — коротко велел Чжао Лои, укладывая его обратно.

Ли Мэн послушно закрыл глаза. Сон не шел, но поскольку Чжао Лои продолжал молча сидеть у изголовья, подростку пришлось притворяться спящим.

— Не спится — так поговори со мной. Зачем жмуриться и дергать веками? Думаешь, я не вижу?

Пристыженный Ли Мэн нехотя открыл глаза и смущенно спросил:

— Как вы догадались, учитель?

— У спящих людей глазные яблоки под веками не бегают туда-сюда, — ровным голосом ответил Чжао Лои.

Он приложил прохладную тыльную сторону ладони к его лбу. Ли Мэн блаженно прикрыл глаза от этого прикосновения, но Чжао Лои почти сразу убрал руку.

— Жар спал. Теперь постарайся уснуть по-настоящему. Если завтра будешь на ногах — выберемся в город.

— Не получается, — честно признался мальчик.

— Хочешь, поговорим? — неожиданно предложил Чжао Лои.

— Да я даже не знаю, о чем...

Наедине с Чжао Лои мальчик почти всегда робел. Ему казалось, что любое неосторожное слово может разгневать наставника. Тот редко улыбался, а глубокий шрам на лице придавал ему пугающий вид, из-за чего Чжао Лои казался суровым и неприступным.

— Хочешь узнать, откуда у меня этот шрам? — Чжао Лои коснулся пальцем изуродованной брови.

Ли Мэн мгновенно оживился. Прошлые наставника всегда манило его, но он никогда не осмеливался расспрашивать. Опасаясь, что Чжао Лои передумает, мальчик торопливо закивал головой.

Чжао Лои поднялся, задул свечу и, сбросив сапоги, лег рядом на постель.

— История эта довольно скучная. Станет нудно — просто закрывай глаза.

Он приобнял мальчика за плечи, укладывая его голову себе на руку. Ощущение было непривычным и даже немного нелепым, но Чжао Лои рассудил, что Таоу наверняка точно так же убаюкивал своего воспитанника. В конце концов, через это проходит любой наставник, так что удивляться тут нечему.

За окном глухо выл ветер, качая тонкие ветви деревьев, чьи тени скользили по бумажной ширме. Ли Мэн уютно уткнулся носом в плечо наставника и прикрыл глаза, завороченный его негромким, мерным голосом.

<http://bllate.org/book/18266/1758880>